
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-78-93

УДК 172.1

**ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ РИСКИ
ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ РАБОТ
ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ***О.Н. Горячева, М.Г. Яковлева*

Одним из определяющих факторов развития современных обществ является их цифровизация. Построение информационного общества с внедрением цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности предусмотрено национальными программами различных государств, в том числе и России. Наряду с безусловными преимуществами данной трансформации социальной системы цифровой технологический вектор развития обществ содержит и значимые риски. Целью работы является выявление гуманистических рисков цифровизации социальной системы. В качестве методологической базы исследования использовались теория социальной системы Н. Лумана, концепция микрофизики власти М. Фуко, анализ логики функционирования Big Data Н. Больца, исследования в области социологии материальности В. Вахштайна. Авторами был выявлен ряд принципов функционирования социальной цифровой среды, противоречащих гуманистическим традициям демократических обществ с их гражданско-правовой ориентацией и свободами граждан. В числе подобных принципов – принцип тотальности, принцип прозрачности, принцип объективации и принцип программирования социальных практик. Результаты исследования имеют практический потенциал при оценке и нейтрализации рисков построения цифрового общества в России.

Ключевые слова: *цифровизация; цифровые технологии; цифровое общество; гуманистические риски; система социального рейтинга КНР*

HUMANISTIC RISKS OF DIGITAL DEVELOPMENT OF SOCIETY: ANALYSIS OF WORKS BY FOREIGN AUTHORS

O.N. Goryacheva, M.G. Yakovleva

Digitalization is one of the most factors in the development of post-modern societies. Building an information society with the introduction of digital technologies in various spheres of life is provided for by national programs of various states, including Russia. Despite advantages of this transformation of the social system, the digital technological vector of the development of societies also contains significant risks. The aim of the work is to identify the humanistic risks of digitalization social system. The methodological basis of the research were the theory of the social system by N. Luhmann, the concept of microphysics of power by M. Foucault, the analysis of the logic Big Data by N. Boltz, research in the field of sociology of things by V. Vakhstein. The authors have identified a principles of functioning social digital environment that contradict the humanistic traditions of democratic societies with their ensuring the rights and freedoms of citizens. Among such principles are the principle of totality, the principle of transparency, the principle of objectification and the principle of programming social practices. The results of the research have practical potential in the development of programmes for building a digital society.

Keywords: *digitalization; digital technologies; digital society; humanistic risks; China's social rating system*

Введение

Развитие информационного общества – задача, реализуемая сегодня многими странами, в том числе и Россией. 9 мая 2017 года указом президента РФ была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». В ней обозначены необходимость формирования национального информационного пространства, развития информационной и коммуникационной инфраструктуры РФ, создания новой техноло-

гической основы для развития экономики и социальной сферы, обеспечения национальных интересов в области цифровой экономики [10]. В документе в качестве приоритетных направлений разработки указываются такие инфокоммуникационные технологии, как сети связи нового поколения, обработка больших объемов данных, искусственный интеллект, облачные и туманные вычисления, интернет вещей, индустриальный интернет и некоторые другие [10]. Цифровизация – внедрение инфокоммуникационных технологий в различные сферы жизнедеятельности общества – становится одним из определяющих факторов социальных, культурных, экономических и политических изменений; способствует прозрачности операций, данных и социальных практик. Смысл цифровизации заключается в сведении инертной материальности вещей, многообразия социальных практик и личной уникальности индивидов к набору стандартных сведений цифровой системы. Безусловно, цифровизация имеет свои преимущества, как и риски – социально-политические, культурно-образовательные, экономические, гуманистические. Данная статья посвящена исследованию гуманистических рисков цифровизации.

Цель и методологическая база исследования

Целью работы является выявление гуманистических рисков вследствие цифровизации социальной системы. Под гуманистическими рисками мы понимаем возможные неблагоприятные последствия инфокоммуникационных технологических изменений, упраздняющих значимость гуманистических ценностей в развитии общества и совместной жизнедеятельности индивидов. К гуманистическим ценностям мы относим ценность человеческой жизни, ценности свободы и самоопределения человека, ценность творческого саморазвития личности, ценность гуманного отношения к людям [12].

Методологической базой исследования послужили работы по системной теории общества Н. Лумана и анализ логики функционирования Big Data Н. Больца, объясняющие такие эффекты цифрови-

зации, как тотальность и программирование социальной системы; также мы использовали концепцию микрофизики власти М. Фуко для исследования эффектов прозрачности социальных практик и объективации индивидов; помимо этого мы обратились к ряду идей В. Вахштайна о технологических агентах, включенных в социальные практики на основе технологии Big Data.

Результаты исследования и их обсуждение

Тотальность социальной системы века цифровых технологий оптимально описывать в рамках системной теории немецкого социолога Н. Лумана [9]. Строго говоря, согласно Н. Луману, *любая* социальная система *тотальна* по своей природе, поскольку она самоорганизуется, самовоспроизводится и структурно дифференцируется в процедурах аутопоэтического разграничения себя и внешней среды, в результате чего стремится к операциональной замкнутости, всеохватности и целостности [9, с. 68-71]. Процесс цифровизации только усиливает данную тенденцию, обеспечивая систему совершенными технологическими средствами. Остановимся на этом подробнее.

Н. Луман считает, что в основе аутопоэтической самоорганизации общества лежит коммуникация: «Система общества характеризуется, соответственно, не определенной «сущностью» <...> ее характеризует та операция, в ходе которой производится и воспроизводится общество. И эта операция – коммуникация» [9, с. 72]. Коммуникация в понимании Н. Лумана наиндивидуальна; не персональна, но функциональна [8, с. 267-268]. Коммуникация производит различия, является механизмом самореференции/инореференции социальной системы, рекурсивно замыкает систему, реализуется в различных медиа. В качестве медиа Н. Луман полагает язык, но также письменность, книгопечатание, электронные медиа [8, с. 267-269]. К электронным медиа автор относит коммуникационные устройства «от телефона и телефакса вплоть до электронных почтовых сообщений» [8, с. 135], особое внимание он уделяет компьютерам [8, с. 137-141]. В своей последней (при

жизни изданной) работе «Die Gesellschaft der Gesellschaft» (1997) Н. Луман указывает на то, что пока еще трудно спрогнозировать изменения коммуникации и социальной системы вследствие широкого внедрения компьютеров [8, с. 138]. В качестве предполагаемых социальных эффектов он отмечает рост уровня контроля [8, с. 262], более высокую организацию сложности [8, с. 137], интенсификацию и ускорение коммуникации [8, с. 137], дистанционный характер телекоммуникаций планетарного масштаба [8, с. 140], расщепление предметного измерения смысла коммуникации (или сдвиг от кодирования в языке с людьми как внешними агентами коммуникации к использованию компьютерного кода и программам в качестве агентов коммуникации) [8, с. 143]. Помимо этого он говорит, что компьютеры (или «невидимые машины») представляют собой особо эффективные инструменты для операций различения и обозначения – маркировки форм (выработки сообщений/информации) в процессе коммуникации и сводят на нет возможность аргументации для спора (ответа) социальной системе [8, с. 139]. Можно предположить, что функцию наблюдателя, постулируемую Н. Луманом, вполне могут взять на себя эти «невидимые машины», чем и объясняется их «невидимость»: наблюдатель невидим для самого себя. То, о чем Н. Луман теоретизировал в конце 90-х годов XX века, становится частью нашей повседневности: отдельные социальные практики атомизируются (дискретно обособляются), стандартизируются, оцифровываются, автоматизируются и реализуются как взаимодействие человека-пользователя и программного алгоритма. В качестве примеров можно привести телефонную роботизированную коммуникацию, электронное голосование, платежные системы, кассы самообслуживания, дистанционные курсы электронного обучения и пр. Социальное взаимодействие здесь осуществляется как запрограммированное взаимодействие человека и робота / программы / автоматизированной машины. Согласно теории социологии вещей: «Материальные объекты не просто являются «ресурсами» интеракции, они не просто инкорпорированы, «встроены» в социальные взаимодействия – они играют ключевую

роль в том, как эти взаимодействия упорядочены» [2, с. 7]. Материальные объекты (вещи) понимаются социологами данного направления как «операторы» (и даже гаранты) порядка интеракции, что становится особо актуальным в отношении smart-вещей. Более радикальные взгляды на роль, функции и уровень агентности вещей в социальном взаимодействии высказывает социолог В. Вахштайн, рассуждая о smart-объектах, включенных в систему сбора, анализа и реагирования умной цифровой среды, использующей технологии машинного обучения и Big Data [3]. Социологи концептуализируют технологических агентов на базе больших данных по модели трехчлена: сенсор (считывает информацию), алгоритм (обрабатывает информацию) и актуатор (переводит результаты расчетов в действие). «Данные – это не то, что предназначены быть агрегированными, – отмечает В. Вахштайн. – Данные – это то, что предназначены быть действующими. На смену большим данным приходят активные данные: не репрезентация, а действие, не сцепка, а расцепление. <...> Данные – это то, что позволяет совершить делегирование, передать право действовать технологическому объекту» [3]. В качестве примера В. Вахштайн приводит гипотетическую ситуацию, когда кабинка туалета задерживает индивида до прибытия полиции в связи с обнаружением в его моче метаболитов психоактивных веществ [3]. Жизненные траектории и поведение индивидов становятся прозрачными в тотальной цифровой среде, чьим технологическим агентам делегируются право действовать (в том числе – применять санкции в отношении индивидов) на основе анализа больших данных. При этом индивид утрачивает позицию субъекта и становится объектом наблюдения, принятия решений и объектом воздействия smart-среды. Здесь себя проявляет такой принцип функционирования цифровой системы, как объективация индивидов.

Обратимся к другому теоретику медиакommunikации – немецкому исследователю Н. Больцу. Тотальность цифровой системы легко обосновывается при помощи некоторых его идей, в частности, идеи тотальной мобилизации образов [1, с. 65]. Операция тотальной мобилизации образов лежит в основе различных военных технологий,

нацеленных на обнаружение врага, прогнозирование его действий и дальнейшее уничтожение. Н. Больц упоминает изобретение полковника Э. Штайхена, который в 1917 году вместе с 50 офицерами и 1000 добровольцами организовал воздушную фотографическую разведку во Франции [1, с. 65]. Как определить дислокацию войск противника, оценить военные ресурсы и спрогнозировать поведение? Пролететь над территорией противника и полностью ее сфотографировать! – в этом и состояла задумка американского полковника. Пожалуй, это наиболее показательный случай для описания логики функционирования Big Data (большого массива данных). Действительно, функция контроля территории в данном случае может быть достигнута через сбор и анализ большого массива данных. Единичные данные этого массива не представляют никакой ценности (что значит отдельная фотография этой миссии без других фотографий? – ничего): данные имеют смысл только в своей тотальности. Более того, требуется не просто массив данных, но постоянное его обновление (ситуация ежечасно меняется): «образ теперь не просто образ, но исчезающе малый момент данных» говорит Н. Больц [1, с. 65]. При этом требуется особая инфраструктура по сбору, обработке, хранению и анализу данных (без цифровых технологий невозможно создание и оперирование Big Data). «Сегодня управляемые компьютером видеокамеры дают возможность автоматического восприятия, видения без взгляда, где машина сама осуществляет анализ реальности; система автоматического наблюдения делает ненужным человека за камерой», – делает вывод Н. Больц [1, с. 65]. Современные военные технологии используют машинную логику восприятия: «Зенитное орудие представляет собой наблюдателя, регистрирующего статистику движений, способную обучаться машину и вычислитель, умеющий благодаря обратной связи менять программу» [1, с. 66]. Подобные военные технологии уже давно используются как smart-технологии в быту и градоуправлении (в умных домах, логистике движения транспорта, регулировании объемов выработки электроэнергии для городской инфраструктуры и т.д.). Технология интернет-свя-

зи позволяет обеспечить тотальное единство вещей, включенных в систему: интернет вещей и индустриальный интернет, согласно упомянутой стратегии [10], должны стать частью российской действительности к 2030 году. По логике развития цифрового общества, следующим этапом совершенствования системы должен стать этап включения в нее людей. Разработки в этой сфере ведутся по различным направлениям: создание нейросетей, съемные гаджеты на теле человека (фитнес-браслеты, гугл-очки и т.д.), чипирование, биометрия. Опасения писателей-утопистов XX века – Евгения Замятина [5], Джорджа Оруэлла [11] – о том, что единственным тайным местом, неподконтрольным Благодетелю / Большому Брату будут мысли людей, начинают зловеще сбываться. Однако и здесь, благодаря развитию средств и форм коммуникации, в частности – появлению социальных сетей, все не так однозначно. Разграничение сфер жизни на публичную и интимную, характерное для капиталистических обществ XIX-XX вв., все более размывается: мысли, образ жизни, ценности и установки людей транслируются ими в социальных сетях, становясь доступными и прозрачными для окружающих и поисковых алгоритмов. Впрочем, и это еще не все. Современные физики прогнозируют, что в результате технологических разработок человеческий интеллект может быть перенесен с биологического на кибернетический носитель. Профессор физического факультета Оксфордского университета, научный руководитель группы квантовой оптики Российского квантового центра Александр Львовский в качестве значимого направления квантовых разработок называет создание интерфейса между мозгом и компьютером, а следующим этапом – копирование содержания мозга: «Мозг, по сути, – это компьютер, у него есть память, код, данные. Соответственно, мы в будущем научимся копировать содержимое этого компьютера на какой-то другой носитель – на кибернетический носитель, а не биологический» [6]. Философия трансгуманизма и постгуманизма [13] ещё вчера вызывавшая недоумение и воспринимаемая как разновидность научной фантастики, сегодня выглядит все более реалистичной.

Вторая квантовая революция, с ее техническими изобретениями и технологиями, основной из которых является иной тип компьютера – квантовый компьютер – открывают новые возможности для сбора, анализа, обработки огромных массивов информации, машинного обучения, создания искусственного интеллекта. Благодаря этим вновь появившимся цифровым возможностям «микрoфизика власти» дисциплинарного общества М. Фуко [15] становится совершенной. Власть распространяется не только на индивидуализированные тела и социальные практики, но и – благодаря камерам, датчикам, сенсорам, технологиям Bluetooth, RFID и GPS – пронизывает саму материальность социальной среды. Благодаря подобной технической оснащенности, модель паноптикона Иеремии Бентама, упоминаемая М. Фуко [15] для описания современного дисциплинарного общества, становится вполне реализуемой. По мысли Фуко, начиная с XVIII века, в европейских обществах проявляют себя новые механизмы власти, своим объектом имеющие живые тела. Эта власть приходит на смену концепции юридической власти, основанной на праве и государственных институтах, обеспечивающих осуществление «общественного договора» и воздействующей, по преимуществу, на умы граждан. После Французской революции юридическое «оказывается уже абсолютно чужеродным тем новым приемам власти, которые функционируют не на праве, а на технике, не на законе, а на нормализации, не на наказании, а на контроле, и которые отправляются на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за границы государства и его аппаратов», – считает Фуко [14, с. 189]. Этот новый тип власти Фуко называет «капиллярной», поскольку она пронизывает все общество; паноптической как всеохватно обзоревающей тела индивидов, и дисциплинарной как закрепляющейся на уровне самоконтроля дисциплинированного тела. Власть становится тотальной и вездесущей, поскольку толпа устраняется и заменяется совокупностью отдельных индивидов: «С точки зрения охранника, толпа заменяется исчислимым и контролируемым множеством, с точки зрения заключенных – изоляцией и поднадзорным одиночеством. Отсюда – основная цель паноптико-

на: привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти» [15, с. 294]. Современные технологии предлагают все необходимые средства для реализации паноптической схемы: «И для того чтобы действовать, эта власть должна получить инструмент постоянного, исчерпывающего, вездесущего надзора, способного все делать видимым, при этом оставаясь невидимым. Надзор должен быть как бы безликим взглядом, преобразующим все тело общества в поле восприятия: тысячи глаз, следящих повсюду, мобильное, вечно напряженное внимание, протяженная иерархическая сеть» [15, с. 313]. М. Фуко говорит и о такой функции паноптических систем, как изменение (и программирование) поведения индивидов: «Паноптикон – лаборатория; он может использоваться как машина для проведения экспериментов, для изменения поведения, для муштры или исправления индивидов.<...> Везде, где приходится иметь дело с множественностью индивидов, которым надо навязать определенное задание или конкретную форму поведения, может быть использована паноптическая схема» [15, с. 298; 301].

Китай сегодня является одним из государств, наиболее активно внедряющих цифровизацию для эффективного управления обществом. Результатом этой деятельности, в частности, стала система социального кредита – постоянная маркировка по шкале социального рейтинга граждан страны. Данная программа реализуется на основе документа «О планировании строительства системы социального кредита (2014-2020)», принятого Государственным советом КНР 14 июля 2014 г. [7, с. 40]. Показатель социального рейтинга отдельного индивида складывается на основе применения инструментов массового наблюдения и технологии анализа больших данных. При этом используется информация из различных источников: данные видеонаблюдения (42% всех камер наблюдения, существующих в мире, находятся в Китае) [7, с. 40], технологии отслеживания трафика в Интернете, информация о пользовании смартфоном, активность и контакты в социальных сетях, информация по правонарушениям (неуплата налогов и штрафов, уклонение от при-

зыка в армию и т.д.), активность в финансовой области (характер расходов и доходов, кредитная история), перемещения индивида (посещение нежелательных локация и мероприятий, контакты с лицами из черных списков), а также характеристика индивида его ближайшим окружением (соседи, родные и близкие, коллеги по работе и пр.) [4, с. 253]. В разных регионах страны действуют различные вариации системы социального кредита: региональные и муниципальные власти формируют собственные критерии оценки поведения индивидов. Таким образом, власти Китая реализуют масштабный социальный эксперимент по выработке желательных массовых реакций и линий поведения индивидов. Исследователи системы социального рейтинга отмечают, что эффективным принципом ее деятельности является «занавес неведения»: нарушитель может делать выводы о «механизме наказания» только апостериори, точно не зная, за какие именно действия у него будут сняты баллы. «Подобно судье, который слушает, но не объясняет свое решение, принимаемое за закрытыми дверями, «занавес неведения» должен вызвать у индивидуума ощущение беззащитности и неопределенности перед тотальной осведомленностью системы социального рейтинга о его поступках» [4, с. 253]. Данный цифровой проект трансформации китайского общества показывает, что власти КНР делегировали право принятия решений цифровой системе – человек вносится в список «плохих» или «хороших» людей автоматически, на основе алгоритмов машинного обучения и больших баз данных.

Принимая во внимание гуманистические риски построения цифрового общества, нам представляется значимым, что в российской «Стратегии...» декларируется «приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий» [10]. Вместе с тем, далее эти ценности в тексте документа никак не рассматриваются и не определяются. Считаем, что данный вопрос требует более детальной проработки со стороны ученых, представителей общественных организаций, профессиональных сообществ и гражданского

общества. Ситуация пандемии и ковидных ограничений показала, насколько быстрыми и радикальными могут быть изменения в области гражданских прав и свобод, резкого сужения горизонта возможностей и ухудшения качества жизни населения, когда народ утрачивает хотя бы номинальный статус легитимного политического субъекта и становится прямым объектом контроля и регулирования со стороны государства. Цифровые технологии – начиная с образовательных и заканчивая Интернетом вещей – могут эффективно использоваться для закрепления социального неравенства, ограничения личной свободы и моделирования массового поведения. В данном вопросе интересы граждан прямо противоположны интересам государства, а также политических и экономических элит, лоббирующих выгодные для себя цифровые проекты.

Заключение

Развитие инфокоммуникационных технологий ведет к созданию нового типа общества – цифрового. Цифровизация социальной системы сопровождается ее дегуманизацией: отчуждением характерных для классического субъекта свойств в пользу самой системы. Так, тотальность системы способствует атомизации индивидов: задача системы – выделить и идентифицировать индивида из множества других, собрать данные о нем, создать уникальный профиль для дальнейшего использования информации. Тотальная система принуждает человека быть фрагментарным: хорошо исполнять контролируемые системой роли – покупателя, гражданина, работника, соседа и т.д. Прозрачность индивида в системе способствует непрозрачности системы для индивида. Паноптическое зрение цифровой системы рассеивается в социальной материи вещей, машинная логика построения алгоритмов надзора остается скрытой для индивида. Индивид рассматривается как потенциальный хаосогенный элемент системы – объект, который необходимо нейтрализовать и инкорпорировать в целое. Эффективная реализация власти строится на асимметричных отношениях: использование технологических агентов в качестве нечеловеческих субъектов

власти делает асимметрию совершенной – индивид утрачивает способность какого-либо ответа системе. Атомизация и расщепление территорий, мест, социальных ситуаций, индивидов и социальных практик представляет возможности для программирования желаемого поведения в ходе социального моделирования. При этом рациональность и планирование деятельности отчуждается у индивида и делегируется системе. Логика развития цифрового общества, по сути, противоречит демократическим правам и свободам человека, традициям индивидуализма и приоритету интересов индивида над интересами общества. Индивид для цифровой системы является простым набором данных и объектом управления. В этом и заключается ее антигуманизм.

Список литературы

1. Больц Н. Азбука медиа. М.: Издательство «Европа», 2011. 135 с.
2. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПКМ-1 // Философско-литературный журнал Логос. 2017. Т. 27. № 2 (117). С. 1-48.
3. Вахштайн В. Датаизм и цифровое дюркгеймианство: социологическое воображение после Big Data / лекция в Тюменском государственном университете, 10.10.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=QK80EuSfC3E&list=PLQUG_xE0UCx4Eubv pduFOfbpav8ZEwEpt&index=7 (дата обращения: 19.04.2022).
4. Графов Д.Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. № 2. С. 250-259.
5. Замятин Е.И. Мы. Новосибирск: Сибир. унив. изд-во, 2009. 158 с.
6. Карась Л. Кванты как всемирный технологический тренд / конспект лекций А. Львовского. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/18178-kvanty-kak-vsemirnyy-tekhnologicheskij-trend> (дата обращения 12.04.2022)
7. Климович А.П. Влияние цифровых технологий на современное общество. Пример системы рейтинга социального кредита в Китае // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 3. С. 35-44.

8. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Издательство «Логос», 2005. 280 с.
9. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Издательство «Логос», 2004. 236 с.
10. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы / Указ Президента РФ от 09.05.2017 №203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 19.04.2022)
11. Оруэлл Дж. 1984. М.: Эксмо-Пресс, 2021. 608 с.
12. Ромашкина Е.Ю. «Гуманитарный» и «гуманистический»: из истории понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 1 (11). С. 116-121.
13. Тлостанова М.В. Постантропоцентрический антигуманизм против другого гуманизма как гуманизма Другого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2015. № 1. С. 33-48.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
15. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

References

1. Bol'ts N. *Azbuka media* [Abc Media]. М.: Izdatel'stvo «Evropa», 2011, 135 p.
2. Vakhshayn V. *Filosofsko-literaturnyy zhurnal Logos* [Philosophical and literary magazine Logos], 2017, vol. 27, no 2 (117), pp. 1-48.
3. *Dataizm i tsifrovoye dyurkgeymianstvo: sotsiologicheskoye voobrazhenie posle Big Data* [Dataism and Digital Durkheimianism: The Sociological Imagination after Big Data]. https://www.youtube.com/watch?v=QK80EuSfC3E&list=PLQUG_xE0UCx4EubvpduFOfbpav8ZEwEpt&index=7 (accessed April 19, 2022).
4. Grafov D.B. *Vlast'*, [Power], 2020, no 2, pp. 250-259.
5. Zamyatin E.I. *My* [We]. Novosibirsk: Sibir. univ. izdatelstvo, 2009, 158 p.

6. *Kvanty kak vseмирnyy tekhnologicheskyy trend* [Quanta as a global technological trend]. <https://theoryandpractice.ru/posts/18178-kvanty-kak-v-semirnyy-tekhnologicheskyy-trend> (accessed April 12, 2022).
7. Klimovich A.P. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology], 2020, vol. 3, no 3, pp. 35-44.
8. Luman N. *Media kommunikatsii* [Media communications]. М.: Izdatel'stvo «Logos», 2005, 280 p.
9. Luman N. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. М.: Izdatel'stvo «Logos», 2004, 236 p.
10. *O strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017-2030 gody* [On the strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030]. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed April 19, 2022).
11. Oruell Dzh. *1984* [1984]. М.: Eksmo-Press, 2021, 608 p.
12. Romashkina E.Yu. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of Volgograd State Pedagogical University], 2005, no 1 (11), pp. 116-121.
13. Tlostanova M.V. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy], 2015, no 1, pp. 33-48.
14. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [To supervise and punish. The Birth of the prison]. М.: Ad Marginem, 1999, 480 p.
15. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. М.: Kastal', 1996, 448 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Горячева Ольга Николаевна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, кандидат филологических наук, доцент
Набережночелнинский институт Казанского федерального университета
проспект Мира, 68/19, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, 423812, Российская Федерация
olganikgor@mail.ru

Яковлева Марина Геннадьевна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, кандидат философских наук, доцент
Набережночелнинский институт Казанского федерального университета
проспект Мира, 68/19, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, 423812, Российская Федерация
marrayk@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Goryacheva, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University
68/19, Prospekt Mira, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812, Russian Federation
olganikgor@mail.ru
SPIN-code: 1967-1376
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1156-9679>
ResearcherID: N-8280-2015
Scopus Author ID: 56296843600

Marina G. Yakovleva, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University
68/19, Prospekt Mira, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812, Russian Federation
marrayk@yandex.ru
SPIN-code: 6932-5457
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8801-9747>
ResearcherID: O-6303-2015

Поступила 25.04.2022
После рецензирования 05.05.2022
Принята 07.06.2022

Received 25.04.2022
Revised 05.05.2022
Accepted 07.06.2022